

А.М. СУНГУРСКИЙ

A photograph taken from the interior of a bus, looking out through a large window. The view outside shows a parking lot with a bench, a 'P' sign, and a gas station in the distance. The sun is setting, creating a warm orange glow over a hilly landscape. Inside the bus, a blue patterned seat with a black leather headrest and armrests is visible. A black seatbelt is fastened across the seat. A small basket with a brown paper bag containing a crumpled piece of paper with the number '5' is attached to the seat. The overall mood is contemplative and serene.

**ДО МОРЯ
НЕ ДОЕХАЛИ**

А.М. Сунгурский

До моря не доехали

«Автор»

2026

Сунгурский А.

До моря не доехали / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Галина Кедрова четырнадцать лет не была на море. Теперь у неё новый купальник, домашние пирожки в дорогу и переднее место у окна. Незнакомая женщина просит поменяться: сзади её укачивает. Галина уступает кресло и оставляет попутчице дорожный набор, выданный организатором поездки. Свою еду она забирает с собой. К утру женщина мертва. Возле её кресла — пакет с номером Галины. Вместо пляжа — мотель у трассы, потерянные деньги и попутчики, которые по-разному помнят одну ночь. От Галины ждут всего нескольких слов в подтверждение чужого рассказа. Но чем настойчивее её просят помочь, тем труднее ей понять, что она видела сама. Современный детектив о несостоявшемся отпуске и цене маленькой уступки.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пятый номер	5
Глава 2. В хвосте	9
Глава 3. Как отдыхать	13
Глава 4. Двенадцать минут до пляжа	17
Глава 5. На большой остановке	21
Глава 6. Свет в проходе	25
Глава 7. Кто здесь сидел	29
Глава 8. Ночь не считается	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

А.М. Сунгурский

До моря не доехали

Глава 1. Пятый номер

За час до автобуса Галине предложили выйти в ночную.

— Только сегодня, — сказала в трубку Тамара. — Я бы сама, ты же знаешь. У меня температура.

Галина посмотрела на чемодан. Он стоял на кухне раскрытый, и из него торчал рукав кофты, взятой на случай, если у моря по вечерам холодно. Рядом лежал купальник в магазинном пакете. Чек она пока не выбросила, хотя обменять купальник всё равно бы не удалось.

— Я уезжаю.

— А, сегодня. Я думала, завтра.

Они помолчали. Галина знала эту паузу. После неё нужно было предложить позвонить кому-нибудь, кого Тамара уже наверняка обзвонила, пожаловаться на начальника, сказать, что сама бы помогла. Она зажала телефон плечом и стала заправлять рукав.

— Поправляйся, Том.

— Ну счастливого тебе. Погрей там за меня ноги.

Когда разговор кончился, чемодан почему-то перестал закрываться. Галина вытащила кофту, переложила шлёпанцы и увидела под ними свёрток с домашними полотенцами. Три полотенца на семь дней, при том что в гостевом доме обещали выдавать свои. Она оставила одно, полосатое. В таком ещё Петра после речки заворачивали.

Сын позвонил, когда она уже надевала босоножки.

— Такси заказала?

— Двадцать первый автобус идёт прямо к рынку.

— Мам.

— У меня чемодан на колёсах. Для чего мы его покупали?

— Для ровного пола в аэропорту, вообще-то.

— Тогда придётся сначала слетать в аэропорт, а оттуда к рынку.

Пётр засмеялся. Галина обрадовалась, что он не стал снова предлагать деньги. На поездку она откладывала с марта в отдельный конверт: пять тысяч после получки, три после аванса, иногда мелочь от того, что не купила в магазине. В июле конверт пришлось открыть из-за стиральной машины. В августе она взяла четыре лишние смены, положила деньги обратно и больше не считала, сколько на них можно было сделать дома.

— Скинь ещё раз адрес гостиницы, — попросил Пётр.

— Гостевой дом. «У инжира». Я присылала.

— У меня там одни картинки.

Галина открыла переписку с Риммой Савиной. На первой фотографии была беседка под листьями, на второй — кровать с полотенцами, свёрнутыми в лебедей, на третьей — голубая полоска между крышами. Подпись обещала двенадцать минут до пляжа.

— Сейчас перешлю.

— Именно адрес. Не лебедя.

Адрес находился в памятке, после перечня того, что нужно взять. Галина переслала весь файл. Пётр ответил поднятым большим пальцем, потом написал: «Отдохни нормально». Она хотела спросить, как это, нормально, но сын уже прислал фотографию разобранного шкафа: они с женой наконец взялись за ремонт в прихожей.

Галина убрала телефон, вернулась проверить газ и заметила на столе контейнер с пирожками. Вынимать его из сумки она не собиралась. На автобусные сухие пайки надеяться было глупо, даже если Римма называла их дорожными наборами. В поездку входили автобус, проживание и завтраки; набор с булочкой, сыром и бутылкой фруктового напитка полагался в подарок. Подарки всегда оплачивались где-нибудь ещё, Галина это понимала, но в памятке всё равно было приятно увидеть слово «включено».

На улице стоял тёплый ветер. Вдоль стены дома тянуло от мусорных баков, у ларька спорили двое мужчин, зажатое под лобовое стекло объявление на чьей-то машине выгорело до белизны. Всё было обычным, и от этого ей казалось, что она забыла не полотенце или зарядку, а какое-то настоящее дело, ради которого следовало остаться.

В городском автобусе для её чемодана нашлось место возле пустой детской коляски. Молодая мать сразу сказала:

— Вы только к нам не катите.

Галина придержала ручку коленом и всю дорогу стояла боком. На рынке выходила последней. Колесо попало в щель между тротуарными плитами, и чемодан дёрнул её за руку с такой силой, будто передумал ехать.

Большой белый автобус уже ждал у дальнего края парковки. На стекле за дворником был лист с нарисованной волной и надписью «МОРЕ». Вокруг стояли люди с сумками. Кто-то ел мороженое. Полный мужчина в жилете протирал задний фонарь тряпкой, хотя фонарь и без того казался чистым. У открытого багажного отсека молодой водитель приклеивал к чемоданам бумажные бирки.

Римму Галина узнала по голосу. До этого они виделись всего два раза в маленьком офисе над аптекой, но голос с его бодрой деловитостью запомнился лучше лица.

— Паспорт сразу держим в руке. Не надо отдавать мне весь кошелёк. Сергей Николаевич, вот сейчас не уходите. Сейчас вы мне нужны именно здесь.

Римма стояла с планшеткой под мышкой и коробкой маленьких пакетов у ног. Волосы она собрала в высокий хвост; солнцезащитные очки служили ободком. При каждой новой сумке она делала движение плечом, как будто освобождалась от невидимого ремня.

— Кедрова Галина? Пятое. Окошко, как заказывали. Вот ваш набор. Распишитесь, пожалуйста, в получении памятки.

— Я её уже получила.

— И прекрасно. Теперь просто подпись.

Галина положила паспорт на край планшетки. На листе стояли фамилии, номера мест и галочки. Подписи собирали отдельно, на обороте. Римма прикрыла список ладонью, когда подошёл следующий пассажир, и Галина успела увидеть только своё имя в пятой строке.

Молодой водитель взял её чемодан.

— Тяжёлый?

— Нормальный.

Он приподнял его одной рукой.

— Нормальный, да.

— Там ничего хрупкого, — предупредила Галина. — Только не бросайте.

— Значит, всё хрупкое.

Он поставил чемодан внутрь на бок, осторожно, будто назло собственному тону. На груди у него висел бейджик «Станислав». Дальше по борту старший водитель прикладывал ладонь к закрывшейся крышке другого отсека, проверяя замок.

— Стас, ленту заberi, — сказал он. — Опять уедет.

Стас поймал катушку бирок ногой.

Галина отошла в тень автобуса. На бумажном пакете чёрным маркером было написано «5». Внутри что-то влажно прилипло к нагретой стенке. Она вытащила бутылку. Вишнёвый

напиток, пол-литра, красная крышка. На этикетке художник изобразил ягоды такими блестящими, будто их тоже покрыли пластиком. Бутылка была закрыта; под крышкой виднелось целое кольцо.

— Ручка есть? — спросил рядом пожилой мужчина.

Он держал свою памятку и шурился на мелкий шрифт. Из кармана его рубашки торчали очки, но надевать их он, по-видимому, не намеревался.

Галина достала синюю шариковую ручку.

— Спасибо. Я телефон запишу. А то у них всё по ссылке, по ссылке. Уронишь телефон в море — и будешь жить там вечно.

— Телефон организатора?

— Дочери. Ей проще мне позвонить, если я дам кому-нибудь бумажку.

Он написал длинный номер, перечитал и вернул ручку. Галина повернула свою бутылку боком и нарисовала на светлом краю этикетки крупную пятёрку.

— Это что, тоже телефон? — заинтересовался мужчина.

— Моё место. А то по салону всё одинаковое. Положишь куда-нибудь — потом пей чужое.

— Я чужое не возьму.

— Так я не про вас.

— Про меня можно. Панкратов Аркадий. Восемнадцатый номер.

— Галина.

Она убрала бутылку обратно. Чернила чуть размазались по гладкой бумаге, у пятёрки получилось толстое синее брюшко. Поправлять она не стала.

У передней двери раздался короткий треск. Молодая девушка стояла над дорожной сумкой, у которой разошёлся боковой шов. На асфальт высыпались футболка, пакет с ватными дисками и ярко-зелёные плавательные очки. Молодой человек рядом с ней продолжал держать телефон у уха.

— Я тебе говорил, в этот карман не надо столько пихать, — сказал он, прикрыв микрофон.

— Ты мне сейчас очень помог.

Галина опустила пакет на привычную высоту чемодана — и едва не уронила: чемодан уже убрали в багажный отсек. К девушке успела подойти другая женщина — невысокая, в светлых брюках и с коротко подстриженными волосами. Она подняла очки за резинку, осмотрела сумку и раскрыла маленькую косметичку.

— Булавками стянем. Только не набивайте потом опять.

— У вас булавки с собой?

— У меня тут пуговицы, булавки. Привыкла с собой носить.

Женщина достала три большие булавки, присела и быстро соединила края. Галина подняла футболку и помогла заправить её обратно. Девушка поблагодарила обеих сразу.

— Лица, — сказала она. — А это Миша. Он у нас сейчас занят спасением мира.

— Я услышал, — отозвался Миша в телефон.

— Хорошо. Значит, связь есть.

Женщина с булавками улыбнулась, закрыла косметичку и поднялась, опираясь ладонью на собственное колено. Галина заметила на её ногтях светлый лак и один короткий сломанный ноготь. На запястье болтались часы с широким ремешком.

— Вы ведь на пятом едете? — спросила женщина.

— Да.

— Мне бы с вами поговорить насчёт места. Я Надежда.

Галина не сразу поняла, откуда та знает номер. Паспорт и памятку она уже убрала. Возможно, услышала у Риммы. Или видела, как Галина писала на бутылке.

— Что насчёт места?

— У меня двадцать девятое. Окошко, точно такое же, только сзади. А меня там иногда укачивает. Я думала, справлюсь. Теперь смотрю на автобус и уже заранее нехорошо.

— Я специально переднее брала.

— Конечно. Я понимаю. Если вам тоже плохо, не надо.

Надежда произнесла это спокойно, без жалобного наклона головы, и сразу повернулась к Римме, которая звала всех ближе к двери. Галина почувствовала раздражение: лучше бы попутчица продолжала уговаривать. Тогда было бы проще отказать.

Номер пять она выбрала три недели назад, ткнув пальцем в схему на экране. Ей нравилось, что там видно дорогу. Всю жизнь в автобусах она смотрела в чужой затылок или в пакет с покупками, который кто-нибудь держал на коленях. В этот раз хотела смотреть вперёд.

К Надежде подошёл мужчина в серой рубашке с закатанными рукавами. Одно плечо у него было ниже другого, как у людей, привыкших носить инструментальную сумку одной рукой.

— Всё? — спросил он.

— Пока нет.

— Я тебе говорил, надо раньше подходить.

— Сёма, не начинай. Мы ещё никуда не уехали.

Он посмотрел на Галину, хотел что-то сказать, но передумал и взял у жены белую сумку.

— Её в салон, — напомнила Надежда. — Там документы.

— Знаю я.

Она проследила за сумкой и снова повернулась к Галине:

— Забудьте. Правда. Попробую на своём. Мне сестра говорила: не строй из себя молодую, возьми поезд. А я хотела утром увидеть, как к морю подъезжают.

Галина посмотрела на белый автобус, на солнце в стёклах, на девушку с сумкой, починенной тремя булавками. Потом на собственный пакет с толстой синей пятёркой, проступавшей сквозь влажную бумагу.

— Я сначала посмотрю, как там сзади, — сказала она.

Надежда не стала благодарить заранее. Только кивнула и отступила, освобождая ступеньку.

Глава 2. В хвосте

На пятом месте лежала клетчатая подушка.

Галина остановилась в проходе, проверила цифру над окном и сказала женщине, сидевшей рядом:

— Это у вас?

— Моя. Сейчас.

Женщина убрала подушку к себе на колени. У неё были густые брови, короткая стрижка и расстёгнутая на одну пуговицу джинсовая рубашка. Она сидела, крепко поставив обе ноги на пол, как будто автобус уже ехал по плохой дороге.

— Дина, — представилась она. — Вы Галина?

Второй человек за пять минут знал о Галине больше, чем она о нём. Это уже не нравилось.

— Да.

— Надя сказала, попробует с вами договориться. Я её сестра. Вы не обязаны, если что.

— Я знаю.

— Просто она иногда так просит, что человеку потом неудобно.

Галина поставила сумку на кресло. Места для ног хватало. Отсюда было видно лобовое стекло, правую руку старшего водителя и угол панели, где стоял чёрный термостакан. В окне висела серая шторка на двух крайних крючках. Средний сломался, поэтому шторка провисала.

Она провела ладонью по подлокотнику. Пластик был гладкий, чуть тёплый. Ей захотелось просто сесть, пристегнуться и перестать решать чужую задачу.

— Сзади совсем плохо? — спросила она.

— Качает больше. Шумнее. Я сама когда-то на заднем ездила нормально, а теперь не хочу.

Дина сказала это без извинения. Галина оценила честность, хотя от честности свободное место впереди не появилось.

В проход протиснулся Аркадий Панкратов с длинной спортивной сумкой. Он держал её перед собой вертикально, как мешок с лыжами.

— Девушки, пропустите инвентарь.

— Какой ещё инвентарь? — удивилась Дина.

— Собственный. Для личного пользования.

— На верхнюю полку ничего тяжёлого не кладём! — крикнул из передней части Стас.

— Да слышал я.

Аркадий протасил сумку дальше. Из неё выглядывала деревянная ручка, обмотанная изолентой. Галина решила, что это удочка, потом увидела металлический край и передумала. Спрашивать было неловко.

У двадцать девятого места уже стояла Надежда. Муж уложил её белую сумку на полку, свою тёмную — под кресло у прохода. Он кивнул Галине и отступил. Воздух здесь был теплее, пахло нагретой обивкой. Галина села к окну. Колени не упирались, но передняя спинка была почти у самого лица. Из-за высокого заднего ряда салон казался закрытой коробкой.

Надежда села на свободное тридцать второе, через проход.

— Нормально, — сказала Галина.

— Вы не говорите из вежливости.

— Я сказала нормально.

Она встала. Снизу уже тянуло ровным гулом: водитель включил двигатель. Галина знала этот звук по заводскому автобусу. После ночной он иногда помогал заснуть ещё до первого перекрёстка.

— Давайте меняться.

— Спасибо вам.

Надежда сжала её руку чуть выше локтя, быстро и крепко. На секунду Галина увидела её лицо совсем близко: мелкие веснушки возле носа, след от очков на переносице, тонкую светлую полоску шрама у брови. Попутчица выглядела не больной, а очень усталой от необходимости объяснять, что с ней может случиться.

Семён снял белую сумку с полки.

— Давай сразу всё перенесу.

— Кофту оставь. Потом возьму. И воду.

— Какую воду?

— Большую. В сетке.

Он покачал головой, достал из-под сиденья полторалитровую бутылку и сунул её жене. Бутылка была уже начата. Надежда открутила крышку, сделала глоток и поморщилась.

— Горячая.

— На солнце стояли.

— Это я заметила.

Она пошла вперёд. Семён потянулся за её кофтой, вспомнил, что велено оставить, и положил обратно. Галина освободила своё старое кресло, забрала сумку с пирожками и положила дорожный пакет Надежде на колени.

— Это тоже вам.

— Почему?

— У меня своей еды на полавтобуса. А ваш набор там сзади можете оставить.

— Тогда мы в расчёте.

Надежда заглянула в пакет.

— Вы уже бутылку подписали?

— Чтобы не перепутать.

— Надо было имя написать. Пятое место теперь моё, а Галина всё равно вы.

— Ну значит, вы мне потом бутылку вернёте.

Они обе улыбнулись. Разговор окончательно снял неловкость; простой обмен наконец стал простым.

Римма появилась у двери с последней коробкой.

— Так, все на местах? Начинаем переключку. Не смеёмся, у меня в прошлом году человек в соседний автобус сел и до Воронежа молчал.

— Может, его всё устраивало, — сказал Аркадий со своего восемнадцатого.

Римма не ответила. Называя фамилии, она смотрела поверх планшетки, проверяла лица и отмечала что-то карандашом. На Казанцевой Надежда подняла руку с переднего кресла.

— А почему вы здесь?

— Мы поменялись с Галиной.

— На двадцать девятое?

— Да.

Римма обернулась к Галине, которая уже стояла посреди салона со своей сумкой.

— Вы согласны?

— Мы же поменялись.

— Я должна спросить.

Римма сделала пометку рядом с двумя строками. Карандаш скользнул по бумаге и зацепился за металлическую скобу. Она постучала им по планшетке, дописала и продолжила список. Галина вернулась назад.

Семён сидел у прохода и держал в руках тонкую книжку. На обложке были пляжи, горная дорога и яркая надпись «ОТДЫХ НА ПОБЕРЕЖЬЕ». Он листал её, задерживаясь на страницах с мелкими ценами, потом сунул в карман спинки перед собой.

— Вам проходить? — спросил он, хотя это было очевидно.

— Да.

Он встал, поджал свою сумку ногой и пропустил её к окну. Галина положила пирожки на колени. Заводскую форму она утром сдала в стирку, а руки всё ещё пахли мукой, мылом, немного дрожжами. Она потёрла большой палец салфеткой, хотя он был чистый.

Семён заметил контейнер.

— Вы на хлебозаводе работаете?

— На маленьком. В Заречной части.

— У нас Надя там иногда булочки брала. Когда в хозяйственный на подмену выходила.

— В какой?

— В «Мелочи для дома». Где раньше ателье было.

Галина кивнула. Возможно, они и встречались через прилавок. Она работала в цехе, но иногда заменяла продавщицу в магазинчике при заводе. В конце дня лица покупателей сливались: рука с пакетом, вопрос о свежести, просьба порезать батон. Надежду она не помнила.

— А вы чем занимаетесь?

— Салонами.

— Красоты?

Он впервые широко улыбнулся.

— Автомобильными. Перетяжка, потолки, поролон. Таксисты, грузовики. Иногда такая красота приезжает — дверь открыть страшно.

— Частник?

— Ну да.

Он ответил короче и стал укладывать ремень безопасности. На руках у него были мелкие старые порезы, ногти обрезаны до кожи. Указательный палец левой руки оставался согнутым чуть сильнее остальных.

— Палец прищемили? — спросила Галина.

— Давно ещё. Станком. Он теперь сам выбирает, сгибаться ему или нет.

Автобус дёрнулся, выезжая с парковки, и Галина ухватила за подлокотник. Между передними креслами показалась Римма с микрофоном.

— Друзья, ещё раз всех приветствую. Меня зовут Римма, кто вдруг не успел познакомиться. Наши водители — Григорий и Станислав. Остановки у нас по маршруту, не надо просить тормознуть на каждом перекрёстке. Но если кому-то действительно плохо, сразу говорим. Терпеть до последнего не нужно.

Она объяснила, как откидывается спинка, напомнила о ремнях, попросила не закрывать вентиляцию чужими носками. Кто-то впереди рассмеялся, а женщина через проход от Галины потянула одеяльце с головы ребёнка.

— До места ориентировочно завтра к обеду, — продолжала Римма. — Это с учётом дороги, но без обещаний насчёт пробок. Сейчас у нас ещё сезон. Заселение по списку. У кого двухместные с отдельными кроватями, я всё помню.

Дина что-то сказала с шестого места. Галина не разобрала, но Римма ответила:

— Да, Дина Павловна, ваше пожелание тоже учтено.

Надежда повернула голову к сестре. Они обменялись несколькими словами; дальше Галина видела только светлые затылки над креслами.

На выезде из Берестовска автобус остановился перед светофором. Слева стоял знакомый строительный магазин, где Галина весной выбирала краску для кухни. Тогда всё казалось срочным: потолок пожелтел, плинтус отходил, половину шкафчиков давно следовало заменить. Сейчас магазин медленно ушёл назад, вместе с парковкой, разбитой клумбой и табличкой «РАССРОЧКА».

Она достала телефон и написала Петру: «Поехали». Сфотографировала полоску дороги между сиденьями. На снимке было больше чужой обивки, чем дороги. Удалять не стала, отправила как есть.

Семён увидел фотографию краем глаза.

— Хотели спереди ехать, да?

— Уже еду.

— Надя просто не умеет таблетки эти пить. Ей то сонно, то невкусно. А как укачает — вся поездка насмарку.

— В поезде бы поехали.

— Поздно собрались.

Он посмотрел в сторону водительского места и добавил:

— Передние уже разобрали. Нам последние достались.

Галина не стала рассказывать, что сама оплачивала поездку три недели назад. За чужими сроками она не следила.

Мимо окна пошли огороды, длинный бетонный забор, склад с синей крышей. Потом город кончился. Дорога блестела от жары. На ближайшем холме поднималась пыль за трактором, и в открытом небе вдруг стало так много места, что Галина выпрямилась, стараясь увидеть дальше.

Через полчаса Римма прошла по салону, предлагая воду из общей упаковки. За ней шла Надежда. Она принесла мужу его очки в твёрдом футляре.

— Опять забыл у меня.

— Я думал, в сумке.

— Они и были в сумке. В моей. А читать захочешь — будешь её сверху доставать и половину людям на головы высыплешь.

Он взял футляр. Надежда подняла с пустого края полки свою кофту, сложила её и вернула на место, чтобы рукава не свисали.

— Хорошо сидится? — спросила Галина.

— Замечательно. Там дорогу видно. И сестра уже успела объяснить, как мне правильно дышать.

— Она врач?

— Медсестра. Только сегодня в отпуске, а я всё равно пациентка.

Надежда наклонилась к мужу:

— Ты ей скажи, чтобы отдыхала хоть иногда.

— Мне ещё с твоей сестрой ругаться не хватало.

— Тогда просто помолчи серьёзно. У тебя это лучше получается.

Он улыбнулся, и она коротко коснулась его плеча. В этом движении не было ни показной нежности, ни извинения за колкость. Так Галина когда-то поправляла воротник мужу, не прерывая разговора о продуктах.

Надежда вернулась вперёд. Семён надел очки и вынул книжку с пляжами. На третьей странице отогнул уголок. Галина повернулась к окну, достала из сумки один пирожок и впервые за день поела сидя, без необходимости куда-нибудь спешить.

Глава 3. Как отдыхать

Через сорок минут Галина поняла, что не умеет сидеть без дела.

За окном шли поля, иногда попадались деревни, но смотреть на них непрерывно оказалось трудно. Она доставала телефон, проверяла, ответил ли Пётр, убирала обратно. Поправляла сумку под ногами. Перекладывала воду из одного кармана в другой. На работе её руки всегда знали следующее движение, а здесь ждали, пока она придумает им занятие.

Семён читал книжку. Иногда поворачивал её к окну, чтобы лучше видеть мелкий шрифт. Одну страницу с экскурсиями перечитал дважды, затем провёл ногтем по строке.

— Вы на водопады собираетесь? — спросила Галина.

Он посмотрел на картинку.

— Надя хотела. Я бы посидел где-нибудь спокойно. Опять эти ступеньки, автобусы, билеты. Мы и так сутки едем.

— А она?

— Она говорит, дома успеем сидеть.

Он усмехнулся без злости и снова наклонился над страницей. Галина увидела рядом с фотографией сумму и перестала спрашивать.

Впереди зашипел микрофон. Римма объявила, что до остановки ещё немного и, пока едут, можно познакомиться. Спросила, кто впервые на море. Несколько человек подняли руки. Галина не подняла: впервые — неправда, а объяснять, сколько лет прошло, не хотелось.

Большинство ехало из Берестовска и ближних посёлков. Кто-то назвал улицу, другой спросил про соседа. Салон загудел так, будто половина пассажиров уже побывала друг у друга на кухне.

Галина слышала свою Заречную часть несколько раз. Вдруг стало неудобно: она уехала не настолько далеко от обычной жизни, как казалось у городского светофора.

Аркадий повернулся со своего кресла.

— А кто в Ярском бывал?

— Проезжали, — ответил мужчина через проход.

— Там станция большая?

— Смотря с какой сравнивать.

Аркадий нахмурился. Римма объяснила ему, что высадка рядом с городом возможна только в предусмотренном месте, заранее нужно сказать водителю. Он ответил, что всё уже обсуждал. Голос у него стал жёстче, будто его проверяли при всех.

Галина поймала его взгляд и спросила, ждут ли его на месте. Аркадий потёр ладонью колено.

— Дочь там. Я сначала до моря с вами, потом к ней на обратном. Или раньше. Посмотрю.

— Она знает?

— Я же не маленький. Сам доеду.

Ответ не подходил к вопросу. Галина не стала повторять. Аркадий развернулся обратно, достал свою бумажку с номером и спрятал в другой карман.

Римма включила старые песни. Галина поднесла палец к уху, пытаясь понять, можно ли заткнуть его незаметно.

— Попросите убавить, — сказал Семён.

Впереди уже подпевали; женщина с ребёнком качала головой в такт. Поездка наконец стала похожа на отпуск. Галина опустила руку.

— Переживу.

Через пару минут по проходу появилась Надежда. Остановилась возле мужа, держась за спинку.

— Сёма, ты зарядку не видел? Дина свою в чемодан убрала.

Он полез в сумку, достал провод и протянул. Надежда заметила, как Галина морщится при очередном припеве.

— Громко?

— Немного. Людям нравится.

— Людям много чего нравится.

Надежда повернулась к передней части салона и позвала Римму. Та не услышала. Надежда прошла вперёд, наклонилась к ней и что-то сказала. Музыка стала тише. Никто не возмутился. Женщина с ребёнком продолжила подпевать, почти шёпотом.

Надежда вернулась.

— Так лучше?

— Лучше. Спасибо.

— Пожалуйста. Вы мне окно отдали, но уши-то себе оставьте.

Семён улыбнулся, не поднимая головы.

— Она у нас со всеми договорится.

— Не со всеми, — сказала Надежда. — С тобой вот восемнадцать лет про обувную полку договариваюсь.

— Двадцать два.

— Первые четыре полка нормальная была.

Галина засмеялась. Надежда тоже, а Семён закрыл книжку пальцем, чтобы не потерять страницу.

— Приедем — купим, — сказал он.

— Я это запишу.

Надежда забрала провод и ушла. Галина ещё некоторое время улыбалась в окно. Ей понравилось, что попутчица не стала считать просьбу о тишине оплатой за уступленное кресло. Просто заметила неудобство и устранила.

Позже Надежда снова подошла назад — вернуть провод, который не подходил к Дининому телефону. На этот раз Галина спросила её про магазин.

— Семён сказал, вы у старого ателье работаете.

— Да. «Мелочи для дома». Там вывеску новую повесили, а люди всё равно говорят «у ателье». Его пятнадцать лет нет.

— Я там таз покупала весной. Синий.

— Их много. Не треснул?

— Пока нет.

— Значит, хороший попался.

Она сказала это с таким серьёзным видом, что Галина не сразу поняла, шутит ли.

— А плохие тоже бывают?

— Бывают. Я их назад поставщику возвращаю. Хозяйка сердится, что долго проверяю. Потом сама сердится, если покупатель приносит лопнувший.

Надежда опёрлась ладонью на спинку. Семён показал ей свободное кресло через проход, но она покачала головой: постоит минуту и пойдёт обратно.

— Вы давно там?

— Седьмой год. До этого в другом месте. Там платили больше, но хозяин любил после закрытия пересчитывать всё заново. Пока последнюю ложку не найдёшь — домой не идёшь. Однажды оказалось, он её сам в кабинете оставил. Я в тот вечер решила, что хватит.

— И ушли?

— Через два месяца. Сначала думала, кто меня возьмёт. Потом подумала, что не настолько я старая, чтобы ложку ждать до ночи.

Галина вспомнила свои четыре дополнительные смены перед отпуском. Она взяла их сама, за оплату, никто не заставлял. Но неприятное родство с чужой ложкой всё равно почувствовала.

— А своё открыть не хотели?

Семён поднял голову от книжки. Надежда пожала плечами.

— Хотела. Маленький отдел. Не всё подряд, а то, что сама понимаю. Но аренда, закупка. Пока не тянем.

— Зато начальника нет, — сказала Галина.

— Есть. Покупатель, хозяин помещения, поставщик. И сама себе самая вредная.

Надежда улыбнулась, но на этот раз быстро.

— Может, потом. Сейчас хотя бы неделю не слушать, где у нас пакеты дешевле на два рубля.

Она пошла вперёд. Семён некоторое время смотрел вслед, затем убрал книжку.

— Она думает, я её отговариваю, — сказал он. — А я просто знаю, сколько это стоит. Каждое «свое» потом ночью спать не даёт.

Галина кивнула. Ей было знакомо другое: чужая работа, которая тоже не даёт спать, но не принадлежит тебе ни на день. Она не стала спорить. Они говорили о разных вещах, хотя употребляли одно слово.

Автобус въехал в длинный посёлок. На обочине продавали картошку в сетках, мёд, деревянные ложки. Перед магазином стояла женщина с большим букетом гладиолусов. Цветы закрывали ей лицо. Галина повернулась вслед, пока букет не исчез за спинкой кресла.

— У вас дети есть? — спросила она Семёна.

Он покачал головой.

— Не получилось.

— Извините.

— Ничего.

Он сказал это спокойно, без желания продолжать. Галина сразу пожалела о вопросе. Ей самой не нравилось, когда новые знакомые начинали считать, кто у неё есть и кого больше нет. Почему она решила, что другим приятно?

Некоторое время ехали молча. Потом Семён спросил про её сына, и она коротко рассказала про Петра, про ремонт в прихожей, про фотографию разобранного шкафа.

— Сам делает?

— Сам. Иногда с тестем. Я не лезу.

— И правильно. Пусть руки помнят.

Галина хотела ответить, что сын работает не руками, потом подумала и промолчала. Ремонт он действительно делал сам, и сейчас речь была только об этом.

Впереди поднялась Дина. Передала Римме телефон с каким-то открытым сообщением, та прочитала и вернула. До заднего ряда долетела фраза: «Две отдельные кровати, я ещё в мае просила». Римма ответила, что всё учтено.

Надежда что-то сказала сестре. Дина повернулась к ней, и обе засмеялись. Галина не слышала шуток, только увидела, как похожи они становятся на секунду, когда смеются: одинаково приподнимают левое плечо и наклоняют голову.

Она подумала, что хорошо ехать с человеком, который помнит тебя молодой. Не обязательно с мужем или сестрой. Хоть с подругой, с которой когда-то стояла в очереди за зимними сапогами и обсуждала, хватит ли денег на вторую пару.

Потом телефон завибрировал. Пётр прислал снимок уже собранной половины шкафа. Галина увеличила, рассмотрела неровный зазор и не стала писать про него. Ответила, что красиво.

Семён задремал, склонив голову к проходу. Галина посмотрела на свободное пространство за окном и наконец убрала телефон. Минут десять просто следила за дорогой. Ни у кого ничего не спрашивала, никому не отвечала.

Потом впереди показался красный клюв большого пластикового аиста.

Глава 4. Двенадцать минут до пляжа

Первый раз они остановились возле кафе с пластиковым аистом на крыше.

Аист был размером с хорошую овчарку, с красным клювом и облупившимся крылом. Под ним висела надпись «ДОМАШНЯЯ КУХНЯ». Рядом стояли ещё два автобуса, фура и легковая машина, у которой на заднем сиденье спали дети.

— Двадцать пять минут, — объявил Григорий. — Кто идёт далеко, сначала смотрит время.

Люди поднимались неохотно, распрямляли колени, проверяли карманы. Галина дождалась, пока Семён выйдет в проход, и взяла кошелек с контейнером пирожков. Телефон остался в сумке: зарядки в автобусе на их ряду не было, а батарея уже показывала сорок процентов.

В проходе она увидела Надежду. Та пристроила свой дорожный пакет в сетчатый карман впереди и пыталась поправить сломанную штормку.

— Здесь крючка не хватает, — сказала Галина.

— Я вижу.

Надежда вынула одну из оставшихся булавок и соединила два складчатых края.

— Теперь хватает.

На столике перед ней стояла большая бутылка простой воды. Бумажный пакет с цифрой пять был открыт; синий знак на этикетке маленького напитка виднелся над его краем. Булочку Надежда вынула и завернула обратно, но бутылку, кажется, не трогала.

— Пирожок возьмёте? — Галина приподняла крышку контейнера.

— Нет, спасибо. Я лучше суп здесь возьму. В автобусе мне сначала надо привыкнуть.

Семён обернулся с нижней ступеньки, поджидая жену. Дина убрала с колен подушку и пропустила сестру к проходу.

На улице оказалось душнее, чем в салоне. Галина пошла к туалету и встала за Диной. Очередь двигалась медленно. У входа девушка в оранжевом фартуке собирала монеты в пластиковую миску и повторяла, что перевод не работает.

— У меня двадцать, — сказала Дина, обернувшись. — Вам надо?

— Есть мелочь.

— Тогда отлично. Я всё время набираю, а потом забываю носить.

Из-за сетчатого забора тянуло горячим маслом. Галина переложила нагретую монету в другую ладонь.

— У сестры действительно укачивание? — спросила она тихо.

Дина посмотрела на неё без обиды.

— С детства. Не на каждом повороте, конечно. Бывает, всю дорогу нормально. Бывает, через час зеленеет. Я ей поезд предлагала ещё в мае.

— А она?

— Они с Семёном всё выбирали. То дорого, то даты не те. Я отдельно покупала, раньше. Потом уже они присоединились.

Дина переступила вперёд.

— Спасибо, что уступили. Я сама пересесть не могла. У меня своё.

Она не объяснила, что именно, и Галина не спросила. Сейчас обеим нужно было пройти ещё три человека и успеть до отправления. Остальное могло подождать.

В кафе разносили еду на тяжёлых жёлтых подносах. Галина посмотрела на сероватую гречку под стеклом, на котлеты в подливке, взяла только чай. Чай стоил столько, сколько у них в заводском магазинчике стоили три булочки. Она успела возмутиться, потом вспомнила, что никто не заставляет её сравнивать цены до самого моря, и купила ещё лимон.

За крайним столиком сидели Надежда, Лика и Михаил. Четвёртый стул занимала починенная сумка.

— Садитесь, — сказала Надежда и переставила сумку на пол. — Осторожно, стол качается.

Михаил сразу прижал край локтем. Лика раскладывала мелочь, считая сдачу. На шее у неё висели те самые зелёные очки.

— Уже купаться приготовились? — спросила Галина.

— Боюсь опять потерять. У меня всё из рук сегодня.

— Ты голодная просто, — сказал Михаил.

— Я с самого утра говорю, что я голодная.

— У нас еда была.

— У нас был твой батончик, который ты покупаешь, потому что там написано про мышцы.

Михаил отодвинул ей половину своей картошки. Лика взяла одну дольку, и спор на этом закончился.

Надежда ела куриный суп. Перед тем как опустить ложку, она подула на неё несколько раз короткими толчками. Потом достала из сумки телефон и открыла фотографию гостевого дома.

— Вы в какой комнате? — спросила она у Галины.

— Я одна. Мне обещали маленькую, без балкона.

— А мы с балконом. Я доплачивала. Сёма сказал, что мне на море и так есть где сидеть, но я хочу вечером выйти с чашкой. В ночной рубашке. Чтобы никуда не собираться.

— Я бы и без балкона согласилась, — сказала Лика. — Лишь бы никто не спрашивал, когда я вернусь и что у нас на ужин.

Михаил поднял на неё глаза.

— Я спрашиваю?

— Мама спрашивает. Не всё про тебя.

Надежда увеличила снимок пальцами.

— Только вот это окно мне не нравится. Как будто одна комната снята с двух сторон и выдаётся за две разные.

Галина придвинулась. На фотографиях действительно совпадали покрывало и маленькая картина над кроватью. Но гостиничные комнаты часто бывали похожи.

— Может, одинаково сделали.

— Может. Я попросила номер комнаты. Римма сказала, распределят на месте. А зачем тогда я доплачивала заранее?

— За балкон, — осторожно ответила Галина.

Надежда посмотрела на неё, потом засмеялась.

— Вот именно. Надеюсь, его хотя бы не придётся делить по очереди.

К столу подошёл Семён с двумя пластиковыми стаканами.

— Тебе кофе.

— Я суп ем.

— Ну потом выпьешь.

Он поставил стакан слишком близко к краю. Галина придержала стол, и горячая капля попала ей на палец. Семён извинился и подложил под короткую ножку сложенный рекламный листок.

— Сёма, спроси у Риммы про комнату, — попросила Надежда. — Она мне ничего определённого не говорит.

— Доедем и посмотрим.

— Смотреть надо было до оплаты.

— Надь, ты сейчас весь отпуск так проведёшь? Кто сколько обещал, кто сколько должен?

Она положила ложку.

— Я сейчас суп доем. А потом задам один нормальный вопрос человеку, которому отдала деньги.

Он поднял ладони, показывая, что не спорит, и отошёл к водителям. Надежда отпила кофе, поморщилась и поставила его подальше.

— Без сахара взял. Каждый раз спрашивает, каждый раз забывает.

Михаил протянул ей пакетик со своего подноса. Она поблагодарила, размешала кофе и снова принялась за суп. Галина решила, что ссоры не получилось. Просто люди давно вместе и знают, какие слова можно сказать, не опасаясь, что другой встанет и уйдёт навсегда.

Аркадий появился возле выхода с прозрачным пакетом огурцов. Римма увидела его и всплеснула руками.

— Ну куда вы столько?

— На всех.

— У нас в салоне нельзя устраивать рынок.

— Я бесплатно.

— Дело не в цене.

Он пожал плечами и пошёл дальше. Огурцы были короткие, кривые, с белёсыми боками. Галина подумала, что, может быть, они и правда вкуснее тех, которые она оставила в холодильнике.

У автобуса Стас проверял список по головам. Из кафе всё ещё не выходили двое. Римма пошла за ними, но у дверей её остановила Надежда.

— Римма, мне нужен контакт хозяйки. Я сама уточню.

— Уточните, когда приедем. У нас сейчас посадка.

— Мы всё равно ждём.

— Надежда Павловна, вы приобретали организованную поездку. Не индивидуальный тур.

— Я приобретала двухместный номер с балконом. Вот мой перевод. Вот ваша переписка. Там ровно это написано.

Римма скосила глаза на телефон.

— Я вам разве отказала?

— Пока вы мне просто не ответили.

Из автобуса высунулась Дина.

— Надя, иди сюда. Люди ждут.

— Люди тоже деньги платили.

Галина стояла рядом, не зная, пора ли подниматься. За спиной сопел мужчина, державший ребёнка на руках. Ребёнок спал, прижав влажную щёку к отцовской шее. Надежда увидела его, убрала телефон и отступила к ступенькам.

— Хорошо. В дороге поговорим.

Римма кивнула слишком быстро.

В салоне Аркадий раздавал огурцы на бумажной салфетке. Галина взяла один. Он хрустнул так громко, что Надежда обернулась с пятого места.

— Нормальные?

— Хорошие.

— Берите, пока есть, — сказал Аркадий, поднимая пакет. — Потом ко мне со своим лишним приходите, у меня еда не пропадает.

Надежда покачала головой.

— После супа не буду. А то Дина потом скажет, что я сама виновата.

— Дина потом скажет: сиди спокойно, — отозвалась сестра.

Автобус выехал на дорогу. Галина достала пирожки и предложила Семёну. Он взял один, откусил, осторожно собирая крошки ладонью.

— С картошкой?

— С картошкой и луком. Есть с капустой.

— Этот хорошо.

Он ел молча. После кафе и чужого разговора Галина уже не хотела спрашивать его ни про работу, ни про поездку. Она смотрела, как солнце перемещается по окну и с каждым поворотом дороги освещает другую часть салона.

Через час Римма прошла мимо них с телефоном у уха. Связь то появлялась, то пропадала. Она повторяла «Алло, слышно?» и раздражённо растягивала последнее слово. У заднего ряда остановилась, повернувшись лицом к окну.

— Я говорю, утром. Утром будет. Нет, эти двое уже оплатили... Да не двое, все. Это разные вещи.

Галина отвернулась, давая понять, что не слушает. Семён продолжал листать книжку. Римма понизила голос, и дальше стало слышно только шуршание шторы у её локтя.

Когда она ушла, Семён поднялся.

— Пройду немного. Нога затекла.

Галина поджала колени, хотя ему и так ничто не мешало. Он направился к жене, остановился рядом с Диной и наклонился. Дина что-то ответила, не поднимая головы. Надежда положила телефон экраном вниз.

Галина видела их между спинками. Через несколько секунд Дина отвернулась к проходу, а Надежда — к окну. Семён постоял, затем пошёл дальше, к водителю, будто первоначально собирался именно туда.

Дина догнала его взглядом и сказала достаточно громко, чтобы услышали несколько рядов:

— Не надо мне через него передавать. Я тебе сама верну.

Надежда ответила тише. Галина слов не разобрала. На пятом месте качнулась шторка, скреплённая булавкой, и закрыла женщине плечо.

Впереди кто-то включил мультфильм ребёнку. Тонкий голос героя, почти заглушённый мотором, повторял одно и то же обещание. Галина сунула наушники в уши, но музыку не включила. Ей хотелось немного тишины, а чужие семейные дела всё равно находили дорогу между креслами.

До моря оставалась ночь.

Глава 5. На большой остановке

Когда Римма объявила сорок минут на ужин, в салоне зашевелились даже те, кто недавно уверял, что до утра ничего не хочет.

За окном было темно. Автобус подъехал к освещённой площадке, где в одном длинном здании помещались столовая, магазин и несколько дверей с одинаковыми белыми табличками. Под козырьком висели камеры. Одна смотрела на кассу через стекло, другая — на стоянку. На стене показывали время и температуру. Галина успела прочесть 22:21, потом дверь закрыла ей табло.

Она вышла в числе последних. Ноги подкашивались, поясница ныла. На асфальте после дневной жары сохранилось тепло; откуда-то пахло мокрой травой. Старший водитель обошёл автобус, а Стас закурил у разрешающего знака возле урны.

Надежда стояла рядом с Галиной и растирала ладонями лицо.

— Всё хорошо? — спросила Галина.

— Пока да. Я даже поспала. Только шея деревянная.

Она повернула голову, сморщилась, потом засмеялась над собой.

— Дома говорят: куда тебе на море, полежишь на грядках. Как будто на грядках шея меньше болит.

— У вас дача?

— Была у мамы. После неё продали. Дина за город ни ногой, мне одной не надо. Я сначала рассаду ещё покупала по привычке. Держала на балконе, потом соседке отдавала.

Внутри столовой гремели подносы. Галина увидела большую очередь, передумала есть горячее и пошла в магазин. Надежда двинулась с ней.

— Что думаете с номером? — спросила Галина, не удержавшись.

— Хозяйке написала. Нашла её сама. По названию, потом по фотографии дома. Жду ответа.

— Ночь же.

— У них отдыхающие. Может, ещё не спит.

Надежда взяла корзинку, посмотрела на ряд маленьких бутылок и поставила её обратно.

— У меня там напиток ваш лежит. Лучше его выпью, а то столько добра везём и всё опять покупаем.

— Он уже ваш.

— Ладно, пусть будет мой.

В магазине они выбрали по яблоку. Галина взяла ещё пачку влажных салфеток: свои она утром оставила возле зеркала. Надежда долго рассматривала дешёвые солнцезащитные очки на вращающейся стойке. Одна пара была белая, с широкими дужками.

— Как? — спросила она, примерив.

Галина посмотрела и честно ответила:

— Большие.

— На море можно большие.

— Тогда берите.

Надежда сняла очки, нашла на дужке цену и тихо присвистнула.

— На море возьму. Там хоть обманывают с видом на воду.

Возле кассы стояла Дина. Перед ней лежали сухари и простая вода. В другой руке она держала маленький футляр с отделениями — такой, в каких раскладывают таблетки по дням. Галина отвела взгляд, но Дина заметила.

— Ремень на сумке заело. Одной рукой никак.

Галина придержала сумку, пока та застёгивала молнию.

Возле футляра торчала половинка лекарственной пластинки. На обрезанном краю Дина от руки написала дату. Галина подвинула ремень, чтобы тот не попал в застёжку.

— Спасибо. Я сейчас поем и обратно. А то у нас дома если лекарство по времени, все понимают, а в дороге почему-то считают, что организм тоже в отпуске.

— Тебе кто-нибудь мешает? — спросила подошедшая Надежда.

— Никто.

Дина убрала футляр, расплатилась и направилась в столовую.

— Она с утра такая, — сказала Надежда уже на улице. — На всё обижается.

Галина промолчала. Ей казалось, что Дина в магазине говорила вполне мирно.

Возле автобуса Семён разговаривал с Риммой. У него в руке был бумажный дорожный пакет, такой же, какие выдавали на рынке. Римма забрала у него пустую коробку и поставила рядом с передним колесом.

— Это последний, — сказала она. — Больше у меня нет.

— Я утром просил отложить.

— Я и отложила. Всё, забирайте. Коробку я сама уберу.

Галина не поняла, зачем Семёну ещё один набор: свой у него был, а Надеждин остался сзади.

Надежда остановилась возле него.

— Ты ел?

— Перекусил.

— Там есть нормальная еда.

— Надь, я видел.

Он поднялся в автобус. Римма собрала из коробки несколько забытых салфеток. Галина бросила взгляд на её лицо: под яркой лампой оно выглядело старше, чем днём. Она открывала телефон, закрывала, снова открывала, проводила пальцем по экрану слишком быстро.

— Хозяйка ответила? — спросила Надежда.

Римма подняла голову.

— Какая хозяйка?

— Нашего дома. Вы же с ней говорили.

— Сейчас решается вопрос по времени заезда. Всё будет.

— Я ей тоже написала.

Римма на секунду застыла.

— Надежда Павловна, давайте не создавать путаницу. У нас групповой договор. Каждый начнёт писать — люди вообще перестанут понимать, кто к ним едет.

— Она вполне поняла. Спросила фамилию организатора и сколько нас.

Галина посмотрела на Надежду. Значит, ответ уже пришёл, пока они стояли в магазине. Надежда держала телефон так, чтобы экран был виден только ей.

— Давайте сюда, — сказала Римма.

— Что?

— Я сама отвечу.

Надежда убрала телефон в карман.

— Это моя переписка. Утром разберёмся. Но если балкона нет, доплату мне вернёте. И за остальное тоже объяснитесь, если понадобится.

— Не надо мне угрожать.

— Я у вас услугу купила. При чём здесь угрозы?

Семён появился в дверях и позвал жену. Надежда поднялась, держась за поручень. Из кармана её брюк торчал угол яблочного пакета. Галина осталась на площадке. Ей не хотелось заходить сразу следом и делать вид, что неприятного разговора не было.

Римма тоже помедлила. Потом сказала, глядя куда-то за автобус:

— Всегда в группе есть один человек, которому всё не так.

— Она за номер доплатила.

— Я знаю, за что она доплатила.

Галина почувствовала, что теперь оправдывается уже она, и пошла к освещённой скамейке. Там сидел Аркадий Панкратов. На коленях он держал пакет с огурцами; рядом лежали две салфетки и аккуратно сложенная корочка хлеба.

— Садитесь, Галина. Вы там с ними как на работе.

— Где?

— Возле автобуса. Все что-нибудь выясняют, а вы стоите, будто обязаны выслушать.

Она села на край. Асфальт перед скамейкой был усеян шелухой. На перилах лежала чужая кепка.

— Давно не ездили? — спросил Аркадий.

— На море — четырнадцать лет. Последний раз ещё с мужем и сыном.

— Я двадцать два. Но у меня другие задачи. Я к дочери.

— Вы говорили.

— Говорил? Значит, старею.

Он усмехнулся, но в голосе веселья не было.

— Она вас встречает?

— Не знаю пока.

Галина решила, что нужно сменить тему. Но Аркадий сам продолжил:

— Я ей не сказал. У неё там ремонт затянулся. Всё нанимает каких-то умельцев, то исчезнут, то денег ещё захотят. Я посмотрю хотя бы, что сделано. Руки пока на месте.

Он распрямил ладони. На указательном пальце левой руки кожа была утолщена, ноготь короткий и бугристый. Галина поняла наконец, что торчало из его сумки: ручка инструмента, не удочки.

— Может, всё-таки предупредить?

— Предупредишь — скажет, не надо.

— А вдруг ей действительно не надо?

Он посмотрел на неё внимательно.

— А вы строгая.

— Да нет. У меня сын тоже ремонт делает. Я ему сначала три раза сказала, что шкаф можно оставить. Потом поняла: ему шкаф этот не нравится, а не денег жалко.

Аркадий провёл ладонью по пакету с огурцами и промолчал.

Мимо прошла Лика с телефоном на вытянутой руке. Она снимала не себя, а аляповатую фигуру льва у входа в магазин.

— Посмотри, — говорила она Михаилу. — У него одна бровь выше. Он точно знает, сколько стоит тут чай.

Михаил что-то печатал и не поднял головы.

— Миш.

— Сейчас.

— Я не прошу тебя смотреть на льва до утра. Просто секунду.

Он посмотрел, улыбнулся и убрал телефон.

— Давайте я вас вдвоём сниму, — предложила Лика Галине и Аркадию. — Потом покажем, где мы останавливались.

— Меня не надо, — сказала Галина.

— Не буду. Тогда только автобус.

Лика опустила камеру и подождала, пока Галина отойдёт. Это неожиданно понравилось: человек попросил, ему отказали, и ничего плохого не произошло.

Стас позвал всех к посадке. Дина вышла из столовой с водой и своим пакетом сухарей. Из-за закрывающейся двери её окликнула женщина с подносом. Дина вернулась, забрала оставленный футляр для очков и ещё несколько секунд искала что-то в сумке. Рядом у стены мигала маленькая зелёная лампочка камеры.

Галина поднялась в салон. На пятом месте уже сидела Надежда. Перед ней на столике лежало яблоко. Муж стоял в проходе, прижав бумажный пакет к бедру; Дина ещё не вернулась. Надежда отстегнула ремешок часов, потёрла запястье и застегнула его свободнее.

— Вам вашу пятёрку вернуть? — спросила она Галину, указывая на торчавшую из кармана бутылку.

На светлом краю этикетки виднелась синяя цифра: внизу ручка оставила толстый след, верхняя чёрточка ушла наискось. Галина улыбнулась своей неаккуратной пометке.

— Да оставьте себе. Я же сказала.

— Хорошо. А то я уже чужое сторожу.

Семён чуть отодвинулся, пропуская Галину. Она прошла мимо него и почувствовала запах тёплой ткани и клея, въевшегося, наверное, в рабочие руки. На его кресле сзади лежала сложенная куртка. Галина отодвинула её на край, села и стала искать ремень, провалившийся между подушками.

Ли́ка вошла последней из молодых. Телефон она держала перед собой, показывая Михаилу какие-то кадры. В салоне вспыхивал свет экрана. Дина тем временем снова вышла из автобуса, неся маленькую бутылку с красной крышкой. Аркадий ждал у ступенек с открытым пакетом. Дина что-то сказала ему, он ответил и принял бутылку.

Галина увидела только красную крышку и белую рубашку Аркадия. Номер на этикетке отсюда прочесть было невозможно.

Потом Римма начала считать людей, попросила Лику убрать сумку из прохода, и отдельные движения смешались в обычную суету перед отправлением.

Глава 6. Свет в проходе

Семён вернулся назад, когда автобус уже медленно выкатывался со стоянки. Он держался за верхние края кресел, стараясь не задеть людей локтями.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал ему Григорий. — Мы поехали.

— Сейчас.

Семён добрался до тридцатого места, убрал куртку и пристегнулся. Бумажный пакет он сложил вчетверо и засунул между своей сумкой и стенкой кресла. Галина подумала, что у неё дома такая аккуратность обычно означала: пакет хороший, потом ещё пригодится.

— Надя поела? — спросила она.

— Яблоко ест.

— Одним яблоком ночь не переживёшь.

— Она сама решает.

Он ответил устало. Галина отвернулась, жалея, что спросила. Её постоянно заносило в чужой дом: поела ли жена, почему болит у сестры, предупредил ли отец дочь. А собственный контейнер теперь лежал почти полный и тёплый. Она вынула последний пирожок с картошкой, посмотрела на него и завернула обратно. В холодильник не положишь; утром придётся выбросить.

Римма ещё несколько минут стояла впереди. Надежда что-то показывала ей в телефоне. Организатор наклонилась, взяла со столика маленькую бутылку, переставила в сетчатый карман и присела на край седьмого кресла, повернувшись к женщинам. Сзади видны были только её затылок и рука, всё время указывавшая на экран.

Потом верхний свет погас. Осталась тусклая дорожка огней у пола. Разговоры не сразу стихли: кто-то искал наушники, кто-то спрашивал, где выключается лампа над креслом. Ребёнок в соседнем ряду долго требовал воду, а когда ему дали, сказал, что теперь не хочет.

Галина закрыла глаза.

В заводском автобусе её после смены выключало сразу. А здесь всё было чужое: гул, повороты, человек рядом. Последний раз она засыпала на долгой дороге, когда они ездили на дачу. Тогда ещё рядом был муж. Он держал сумку с рассадой между ног, придерживал её локтем на поворотах и умудрялся дремать, не ломая ни одного стебля. Галина всегда просыпалась первой и заранее будила его за две остановки, потому что любила собираться без спешки. Последние пять лет будить было некого. Дома она иногда по утрам всё ещё говорила вслух: «Вставай», — но теперь это относилось к ней самой.

Из передней части салона донёсся смех. Лица что-то шептала Михаилу. Ему, видимо, тоже наконец стало весело; он ответил так, что засмеялась уже она. Галина нашла у кресла кнопку и немного откинула спинку.

Сзади было пусто. Галина всё равно оглянулась, прежде чем откинуться: слишком привыкла в тесных автобусах задевать кого-нибудь локтем или сумкой. Босоножки натёрли возле мизинца. Она сняла одну, почувствовала холодный воздух из-под кресла и вдруг поняла, что больше ничего не должна делать до следующей остановки.

Когда она проснулась, за окном проплывала светящаяся вывеска заправки. Семён сидел рядом, наклонив голову. Очки он не снял; книжка с пляжами лежала у него на коленях раскрытой. Галина посмотрела время. Было двадцать минут первого.

Впереди зажглась лампа. Надежда поднялась и медленно пошла по проходу, держась ладонью за спинку. За ней смотрела Дина.

— Сёма, кофту дай, — попросила Надежда.

Он сразу проснулся.

— Что?

— Кофту. Мне холодно.

Семён достал кофту с полки. Надежда надела её, но рукав вывернулся, и Галина помогла найти манжету.

— Укачало? — спросила она.

— Немного мутит. После яблока, наверное.

— Воду принести?

— У меня есть.

Надежда опустилась на свободное кресло через проход. Семён наклонился к ней.

— Ты зря туда-сюда ходишь.

— Я за кофтой пришла.

— Сказала бы, я принёс.

— Ты спал.

Подошла Дина и присела перед сестрой на корточки, оставив проход свободным настолько, насколько могла.

— Голова кружится?

— Нет. Просто тошнит.

— Болит где-нибудь?

— Дин, я бы сказала.

Дина взяла её за запястье. Надежда закатила глаза, но руку не выдернула. Галина встала, чтобы не мешать, и упёрлась плечом в багажную полку.

— Может, остановиться? — спросила Дина.

— Не надо. Меня уже меньше. Подышу и лягу.

— Если станет хуже — скажешь сразу. Не будешь терпеть, чтобы люди не возмущались. Договорились?

— Договорились.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Не ругайся на меня ещё ты.

Дина посмотрела на Семёна, словно это последнее относилось к нему. Он только убрал книжку в карман. Несколько минут все молчали. Надежда сидела с закрытыми глазами, но, когда Галина спросила, убавить ли поток воздуха, ответила сразу и внятно:

— Нет, так хорошо.

Затем Надежда сама поднялась, сказала, что спереди ей всё-таки легче, и пошла к пятому месту. Дина вернулась следом. Лампа над их рядом горела ещё некоторое время, потом погасла.

— Всегда так? — тихо спросила Галина.

— Бывает.

— Может, всё-таки водителю сказать?

— Дина с ней. Если что, скажет.

Семён закрыл глаза. Галина тоже попыталась уснуть, но теперь слушала каждый шорох спереди. Через несколько минут Надежда сама рассмеялась чему-то, что сказала сестра. Смех был обычный, короткий, раздражённый. Галина успокоилась.

Автобус шёл ровно. За окном появились тёмные поля. Иногда вдоль дороги тянулись огни небольшого посёлка, но дома оставались невидимыми; казалось, лампы просто висят в воздухе, обозначая места, где другие люди сейчас спят в кроватях.

В половине второго её разбудил звонок.

Телефон лежал в кармане сумки, и, пока Галина нашла его, вызов прекратился. На экране высветилось имя Петра. Она открыла переписку: «Ты адрес скинула старый файл, там дома два. Напиши, когда сможете».

Она сердито набрала: «Спи. Всё нормально». Потом стёрла два последних слова и написала: «Едем». Отправила, положила телефон экраном вниз.

Семёна рядом не было. Его ремень лежал на сиденье, куртка осталась сверху на сумке. Галина посмотрела вперёд. Мужчина стоял возле жены, почти закрывая её от прохода. Лампа над ними не горела. Надежда что-то сказала; он наклонился ниже.

Римма с седьмого места протянула ему салфетки.

Через минуту Семён вернулся.

— Всё нормально? — спросила Галина.

— Пролила чуть-чуть. На кофту.

— Напиток?

— Да.

Он сел, пристегнулся. Галина заметила влажный край салфетки в его руке. Мужчина вытер пальцы, скомкал её и убрал в карман куртки. Больше ни он, ни жена не обращались к водителям. Дина оставалась рядом с Надеждой.

Перед развязкой дорогу сузили до одной полосы. Автобус долго полз за фурами между оранжевыми огнями, потом снова набрал скорость. Галина успела задремать и проснулась уже от голоса водителя.

На следующей короткой остановке Галина вышла вместе с половиной салона. Часы показывали 03:12. В маленьком павильоне у заправки работал один туалет, и очередь растянулась до холодильника с напитками. Галина смотрела, как Стас покупает кофе, и пыталась не зевать при каждом вдохе.

Дина стояла у двери с телефоном. Она кому-то писала длинное сообщение и несколько раз удаляла строчки. Потом подняла глаза на Галину.

— Ничего вам Надя не говорила? Там, в магазине?

— Про что?

— Да ни про что. Ладно.

— Про очки говорила. Хотела купить белые.

Дина какое-то время смотрела на неё, потом убрала телефон.

— Ей бы пошли.

Она сказала это просто, без той колкости, которую Галина уже научилась от неё ждать.

Надежда на остановке не выходила. Когда Галина вернулась, возле пятого кресла стоял Семён. Он взял со столика большую бутылку воды, потряс, поставил в карман и подтянул сползший с жены рукав. Лица Надежды Галина из прохода не увидела: голова была повернута к окну, штора закрывала верхнюю часть подушки.

— Спит? — спросила подошедшая Дина.

— Заснула наконец. Не трогай её.

— Я не трогаю.

Дина села, поправила собственную подушку. Галина прошла назад. В салоне было холодно, и она достала кофту из сумки, радуясь, что не оставила её дома ради трёх полотенец.

Ей приснился цех. Из печи выходили пустые листы, и она не могла понять, кто забыл положить на них тесто. Потом листы превратились в сиденья, а голос мастера — в чужой женский голос, всё настойчивее повторявший одно имя.

— Надя.

Галина открыла глаза.

— Надя, посмотри на меня.

Свет включился сразу во всём салоне. Семён дёрнулся рядом, ударился коленом о спинку и попытался вскочить, забыв про ремень. Ремень удержал его за пояс. Он выругался, нащупал замок и побежал вперёд.

Дина стояла возле пятого кресла. Галина видела только её спину и руку, поддерживавшую сестре голову.

— Остановитесь! — сказала Дина.

Григорий спросил что-то через плечо. Она повторила громче:

— Ей плохо. Нужна скорая. Останавливайтесь в безопасном месте, сейчас!

Римма уже держала телефон возле уха. Автобус замедлился, свернул к широкой площадке с грузовиками. Кто-то возмутился, что вещи падают с полок, но сразу замолчал. Стас открыл дверь и включил наружный свет.

Галина поднялась. В проходе стояли люди, мешая друг другу.

— Назад отойдите, — сказала Дина. — Нам место нужно.

Семён тянул Надежду за плечи, повторяя, что она сейчас очнётся. Дина резко велела ему не тащить одной рукой. Подошёл Стас. Они вместе освободили ремень, подняли женщину из кресла и осторожно вынесли на площадку перед автобусом. Григорий взял аптечку. Римма говорила в телефон, называя указатель и сторону дороги.

Надежда лежала на асфальте под жёлтым светом. Дина опустилась рядом на колени. Галина увидела обмякшую руку, часы с ослабленным ремешком, белую полоску живота там, где задралась кофта. Ей захотелось поправить одежду, но возле сестры работали руки Дины и Стаса, и Галина не посмела приблизиться.

— Галя, стойте там, — сказала Римма, даже не глядя на неё. — Пусть не толпятся.

Галина повернулась к ступенькам. Лика стояла босиком, держа обувь в руке. Михаил пытался пройти мимо неё. За ними показался мальчик в футболке с динозавром.

— Назад, — сказала Галина. — Ребёнка заберите. Здесь помогать некому больше, отойдите.

Мальчика потянули внутрь. Михаил спросил, что принести, и Дина попросила подать аптечку, которую Григорий поставил возле колеса. Дина говорила коротко, хрипло. Каждое её движение поднимало и опускало плечи.

Семён стоял у колеса и смотрел. Потом попытался приблизиться, но Григорий остановил его за локоть. Мужчина освободился, сделал два шага в сторону и вдруг начал звонить кому-то, промахиваясь пальцем по экрану. Галина слышала, как он повторяет: «Надя, Надя», — хотя телефон ещё даже не соединял.

Скорая приехала быстро или медленно — Галина потом не смогла сказать. Она помнила, как поворачивалась к дороге всякий раз, когда появлялись фары, и как несколько фур прошли мимо, не снижая скорости. Помнила звук сирены, уже совсем близкий. Потом людей стало больше, Дину отвели к борту автобуса, и чужие голоса начали произносить слова, в которых Галина почти ничего не понимала.

Она всё ещё стояла у ступенек. В салоне на пятом месте горела маленькая лампа. Клетчатая подушка упала в проход, яблочный огрызок лежал на раскрытой салфетке, а шторка держалась на единственной булавке.

Женщина в форме скорой помощи подошла к Семёну и заговорила с ним тихо.

Дина зажала ладонью рот.

Галина опустила на нижнюю ступеньку. Только тогда она заметила, что всё это время держала в руке собственный ремень от сумки, оторвавшийся, когда она вставала.

Глава 7. Кто здесь сидел

Утро начиналось за грузовиками.

Сначала посветлели верхние края прицепов, потом стала видна дорога между ними, потом тёмное пятно на асфальте возле автобуса оказалось старой лужей масла. Никакого отношения к Надежде эта лужа не имела. Галина всё равно старалась на неё не смотреть.

Приехавший полицейский спросил, кто вызвал скорую. Римма подняла телефон, словно он и был ответом. Григорий подошёл к нему с папкой. Они отошли на несколько шагов и стали разговаривать.

Дина сидела на бетонном бордюре. На коленях у неё лежало чистое полотенце, которое кто-то принёс из сумки. Она прижимала им ладони и смотрела на свои босоножки. Ноги у неё были в пыли до щиколоток.

— Вам воды? — спросила Галина.

Дина покачала головой.

— Может, сесть в автобус?

— Не надо.

Она говорила так тихо, что Галине приходилось наклоняться. Рядом стоял Семён. Он смотрел то на жену, укрытую простынёй, то на Дину, словно ждал, что одна из них объяснит ему дальнейший порядок. Его серую рубашку тянуло складкой от зажатого под мышкой телефона.

— Документы её где? — спросил полицейский.

— В сумке, — ответил Семён.

— Какой?

— Белая. Наверху.

Галина поднялась по ступенькам. Почти сразу её окликнули:

— Подождите. Покажите лучше водителю, где.

Она остановилась. Старший полицейский вошёл за Григорием, попросил остальных пока не проходить вперёд. Семён объяснил, на какой полке лежала сумка. Белую сумку сняли при нём. Он сам достал паспорт, показал свидетельство о страховании, зачем-то ещё гостиничную памятку. Бумаги дрожали у него в руках.

Галина смотрела на пятое кресло из-за перил. Бутылка простой воды лежала боком на столике. Маленький напиток оставался в открытом бумажном пакете в сетке. На бумаге чёрным маркером был выведен номер пять. На бутылке Галина тоже ставила цифру, синюю, но отсюда видела только край яркой этикетки.

Она хотела сказать, что всё это можно убрать, чтобы не мешало. Потом поняла, что никто ещё не решил, чему именно оно может помешать.

Пассажиров собрали возле дальней стороны автобуса. Римма попросила не отходить, пока не уточнят, что делать. Мужчина с мальчиком на руках спросил, сколько это займёт. Римма раздражённо развела руками.

— Я не могу сейчас назвать точное время.

— Мне точное не надо. Мне ребёнка в туалет сводить.

Она посмотрела на мальчика и словно впервые увидела его.

— Конечно. Там кафе открывается. Можно им туда?

— Можно, — ответил полицейский. — Скажите фамилию и телефон. И вернитесь, пожалуйста.

Мужчина продиктовал номер и пошёл через площадку. Ещё несколько человек последовали за ним. Галина заметила, что полицейский никому не преграждал путь. Он записывал фамилии, просил не пропадать и отвечал на вопросы тем же усталым голосом, каким ино-

гда мастера у них на заводе объясняли людям, что поломанная печь не заработает быстрее от крика.

Римма положила планшетку на капот служебной машины.

— Вот список. Здесь все.

— Рассадка соответствует?

— Да. Только две женщины поменялись.

Полицейский поднял голову.

— Какие?

Галина почувствовала, что на неё смотрят сразу с нескольких сторон.

— Я с ней, — сказала она.

— Назовите фамилию.

— Кедрова Галина Викторовна.

— Ваше место по списку?

— Пятое. Я на двадцать девятое пересела. Она сказала, её укачивает.

Он сделал запись.

— Когда поменялись?

— Ещё до отправления. Все видели.

— Кто именно?

Галина посмотрела на Римму. Ей показалось, что вопрос придиричивый: разве сейчас важно, кто видел? Но полицейский ждал спокойно, и она назвала Римму, Дину, Семёна. Может быть, Лика тоже стояла рядом, но в этом Галина уверена не была.

— Значит, после отправления покойная всё время находилась на пятом?

— Нет, она к нам назад приходила. За кофтой. Сидела немного через проход. Потом опять вперёд ушла.

— По времени сможете вспомнить?

— После полуночи. Я часы посмотрела, было двадцать минут первого. Но это когда проснулась, не когда она села.

Он записал и это. Галина вдруг почувствовала благодарность за то, что он не заставляет её выбирать одну точную минуту из неточного воспоминания.

— Что говорила?

— Мутит её. Дина спрашивала, не надо ли остановиться. Надежда сказала, отпускает.

— Что ела, пила, лекарства принимала?

— Я не видела всё. Мы не рядом сидели.

Она рассказала о супе в первом кафе, кофе от мужа, яблоке, которое они купили на большой остановке. Упомянула дорожный набор. Полицейский уточнил, одинаковые ли наборы. Галина сказала, что, по-видимому, одинаковые, но чужие пакеты она не вскрывала.

— Свой вы ей отдали?

— Да.

Он поднял взгляд от блокнота.

Галине стало неприятно.

— Мы местами поменялись. Я свой пакет там оставила. Её набор сзади лежал.

— Она что-то из вашего ела?

— Булочку не знаю. Напиток собиралась выпить.

— Вы его до этого открывали?

— Нет. Я только номер написала. На этикетке, синей ручкой. Пять.

— Зачем?

— Чтобы не путать. Они все одинаковые.

Она услышала собственное объяснение и поняла, как странно оно звучит сейчас, возле машины, на которой раскрыт список пассажиров. Но другого объяснения не было.

- Пакет при вас выдали?
- Римма дала на посадке.
- Хорошо. Ваш телефон запишем.

Разговор закончился. Галина отошла к автобусу и облокотилась о тёплый бок. Она привыкла отвечать за вещи, которые сделала: замесила тесто, выставила температуру, сдала листы следующей смене. Здесь от неё требовали вспомнить вещи, значения которых вчера не существовало. Какой рукой человек держал бутылку. Кто шёл первым. Когда именно выключили свет.

Лица подошла с двумя стаканчиками чая.

- Я вам взяла. Вы же кофе не пили.
- Спасибо. Сколько?
- Потом.

Они встали рядом. Михаил сидел в нескольких шагах на своей сумке и говорил по телефону. На этот раз он не прикрывал микрофон; слышно было, как он повторяет начальнику, что не знает, когда доберётся.

— У меня её руки в видео есть, — сказала Лица.

Галина повернулась.

— Чьи?

— Надежды. Когда сумку мне застёгивала. Я хотела маме показать, что сумка совсем плохая. А она говорит: не снимай дырку, держи лучше край. Я перестала. Но начало осталось.

Лица смотрела в чай, будто там могло найтись разрешение хранить эту запись.

— Удалять не надо, — сказала Галина.

— Я не собиралась. Просто... вот утром человек был. Я даже фамилию не спросила.

Галина отпила чай. Он обжёг язык. Она закрыла крышечку и постояла молча.

У Дины спросили, нужна ли ей медицинская помощь. Она отказалась, потом согласилась, чтобы ей измерили давление. Сотрудница скорой села рядом с ней на корточки и говорила тихо, не торопя. Семён в это время ходил вдоль автобуса. Отойдёт на десять шагов, вернётся. Иногда смотрел под ноги и резко останавливался, будто перед ним лежало препятствие.

Римма всё время кому-то звонила. Однажды Галина услышала:

— Нет, мы не отменяем. У нас чрезвычайное обстоятельство. Я вам сейчас не про оплату говорю.

Потом приехала ещё одна машина. Из неё вышли мужчина с большим чемоданом и женщина в лёгкой тёмной куртке. Женщина представилась водителю, выслушала полицейского и попросила Римму показать список. Она не была похожа на следователей, которых Галина видела в сериалах: без строгой причёски, без каблуков, с недорогой сумкой через плечо. На правой руке у неё белел след от кольца.

Позднее Галина узнала её имя: Маргарита Юрьевна Мартынова.

Пока же женщина обошла автобус, поговорила со Стасом и Диной, затем попросила пассажиров не выбрасывать остатки еды и питья, особенно из дорожных наборов.

— Почему? — спросил Аркадий.

— Нужно проверить обстоятельства. Если кто-то чувствовал себя плохо, тошнило, кружилась голова, скажите мне или сотруднику скорой. Даже если уже прошло.

Римма побледнела.

- У нас наборы готовые, магазинные. Я только раскладывала. Там всё в сроке.
- Я пока никому претензий не предъявляю.
- Просто это важно.
- Поэтому и проверим.

У Галины внутри неприятно сжалось. Она вспомнила свои пирожки, которые лежали всю ночь в тёплой сумке, но Надежда их не ела. Семён ел. Он стоял живой в нескольких метрах и

теперь разговаривал с женщиной из скорой. Галина почти рассердилась на себя за эту нелепую проверку.

Аркадий подошёл к Римме.

— У меня дочь в Ярском. Это далеко отсюда?

— Километров двадцать, кажется.

— Я с ней созвонился. Может подъехать.

— А дальше вы с нами не едете?

— Сначала разберёмся, кто вообще дальше едет.

Он сказал это жёстче, чем требовалось. Римма отвернулась к телефону. Аркадий пошёл к полицейскому, назвал фамилию и попросил объяснить, можно ли ему после разговора уехать с дочерью. Галина не слышала всего ответа. Видела только, как он достаёт бумажку с её номером, ту самую, на которой писал на рынке.

Ближе к семи тело увезли. Семён хотел поехать следом, но ему объяснили, куда прибыть позже и с кем связаться. Он стоял у открытой двери машины, пока её не закрыли. Дина не подходила. Когда машина выехала на дорогу, она отвернулась и стала складывать полотенце, совмещая края с ненужной тщательностью.

Ребёнок с динозавром спросил у отца, почему они всё ещё стоят. Отец сказал, что скоро решат. В кафе открыли вторую кассу. Дальнобойщики завтракали, платили и уезжали. На площадку заехала семья на красной машине; женщина выбросила в урну пакет с салфетками и повела девочку к туалету, даже не взглянув на автобус.

Галина поймала себя на обиде. Ей хотелось, чтобы хотя бы кто-то из них остановился и понял, что здесь произошло. Потом она представила, сколько раз сама покупала чай на заправках, ничего не зная о людях в соседнем автобусе, и обида прошла.

Мартынова снова подошла к ней.

— Галина Викторовна, вы с Казанцевой раньше были знакомы?

— Нет. Мы здесь познакомились. На рынке.

— Она сама предложила поменяться?

— Да. Ещё до посадки спросила. Сказала: вы ведь на пятом едете?

Мартынова не стала сразу записывать.

— Номер знала заранее?

— Получается, знала. Но могла услышать. Или увидеть. Я на бутылке написала.

— Когда это было — до вашего разговора с ней?

Галина вспомнила шум рынка, сумку Лики, синюю ручку в ладони Аркадия.

— До разговора. Я сначала отметила, потом сумка у девушки порвалась. А после Надежда подошла.

Мартынова кивнула.

— Хорошо. Если вспомните ещё что-нибудь, звоните. Не нужно подгонять воспоминание под то, что сказали другие. Даже небольшая разница может быть полезна.

Она дала Галине карточку с номером. Галина сунула её в кошелек за чек от купальника и посмотрела на переднее окно автобуса.

Надежда хотела утром увидеть море с пятого места.

Отсюда было видно только открытую стоянку и пластиковую вывеску кафе, медленно поворачивавшуюся на ветру.

Глава 8. Ночь не считается

К девяти утра Галина уже ненавидела слово «уточняется».

Уточнялось, когда закончится осмотр автобуса. Уточнялось, где пассажиры проведут день. Уточнялось, пришлёт ли перевозчик другую машину, если эта понадобится для проверки дольше. Римма всё время выходила из кафе с телефоном и возвращалась без новых ответов.

Вместе с Галиной за столом сидели Лика и женщина с мальчиком в футболке с динозавром. Её звали Карина. Она разрезала остывший сырник на маленькие куски и уговаривала сына съесть ещё один. Мальчик смотрел на телевизор, где без звука показывали развлекательную программу.

— Они хотя бы ночь нам вернут? — спросила Карина.

Лика подняла голову.

— Какую ночь?

— Которую мы пропустим. У нас с сегодняшнего дня оплачено. Если к вечеру не доедем, это сутки. Мы всё равно эти сутки спать будем, только здесь.

Галина поняла её и почти рассердилась на Лику за удивлённый взгляд. Ребёнок требовал еды, деньги были потрачены, впереди оставалась неизвестность. Нельзя было перестать считать только потому, что рядом умер человек.

— Спросить надо, — сказала Галина.

— Я спрашивала. Она говорит, чрезвычайная ситуация.

Карина отложила вилку и достала ещё один влажный платок. У ребёнка на подбородке блестело варенье.

— Нам уезжать-то можно? Муж готов машину нанять. Мы бы втроём доехали.

— У сотрудника спросите, — ответила Галина. — Аркадия дочь забирает. Он адрес оставлял.

— Значит, можно.

Карина стала собирать тарелки. Мальчик немедленно захотел недоеденный сырник, и ей пришлось разворачивать салфетку обратно.

За соседним столиком громко обсуждали напитки. Мужчина в белой футболке убеждал всех, что в дорогу нельзя брать молочное. Ему объясняли, что в наборах молочного не было, кроме отдельно запечатанного кусочка сыра, но он уже построил версию и не хотел её отпустить.

— Вы никогда не знаете, где оно лежало. Они собрали вечером, утром выдали. На жаре.

— А вы сами ели? — спросила Дина, проходя мимо.

— Ел.

— Ну вот вы здесь сидите. Не надо сейчас.

Она ушла к кассе. Мужчина обиженно замолчал, потом стал рассказывать о прошлом отпуске, когда отравилась целая гостиница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.